

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Р а с с в е т — А к с а й

Каждый изгиб ландшафта теперь давался ей с большим трудом. Рюкзак был неподъемный и все сильнее давил на плечи; и это при том, что самое тяжелое барахло нес Матвей — его желтая бейсболка маячила впереди.

Надо было все же обойти проклятый овраг, а не переть на-прямую. Срезали, называется.

Раньше, в годы студенчества, Даша не знала усталости и могла пройти где угодно, хоть по болотам, хоть по углям, а теперь — что? Теперь она борется с одышкой и с ужасом думает о предстоящей ночи в придорожной гостинице: духота, перебои с водой, комары и, конечно, матрас — дешевый, продавленный матрас за ночь превратит ее спину в руины.

— Что ты там бормочешь? — обернулся Матвей.

— Рэп читаю... — сказала Даша, раздраженная тем, что он вклинился в ее мысли.

Она вспомнила, как перед первой экспедицией на юг просила профессора Видича составить для нее список самых необходимых вещей — без чего в дороге никак не выжить. В списке, кроме совсем очевидного вроде средства от комаров и парацетамола, была позиция, которая поставила ее в тупик: песня. Даша тогда решила, что это неловкая шутка, но профессор, кажется, был предельно серьезен. Песня в походе важна не меньше удобной обуви или аптечки, говорил он, это одновременно твой талисман и оберег, она задает ритм, с пес-

Алексей Поляринов

ней легче идти и сложнее потеряться. Но подойдет не всякая. Нужно выбрать «свою» песню; такую, которая как заклинание — в сложный момент защитит тебя и придаст сил. Видич любил рассказывать, как однажды заблудился в лесу, запел свою песню — и на голос пришел егерь и спас его; был и другой случай: в степи его окружила стая диких собак, он распугал их своим исполнением «Коней привередливых».

Все это звучало как чистое суеверие, и Даша тогда посмеивалась над профессором, но прошли годы, и вот она снова в пути, идет по дну оврага и, морщась от боли в спине, думает: что, если он прав?

Цепляясь за корни дерева, они наконец выбрались из оврага. Матвей подал ей руку, вытянул за собой. Отсюда открывался впечатляющий вид на побитую выбросами рощу и заброшенную церковь вдали — купол церкви давно сгнил и ввалился, в стенах дыры, как после артобстрела. Зелень захватила постройку, сорняки росли прямо из швов, из кирпичной кладки.

— Он точно здесь?

— Точно. Сказали же, рядом с заброшкой.

Матвей ослабил лямки рюкзака, сбросил его на землю, наклонился, уперся руками в колени, длинно сплюнул в траву; все не мог отдышаться. Он стянул мокрую футболку и стал выжимать — на землю полилась струйка пота. Толстые плечи его были все в розовых пятнах — то ли от напряжения, то ли от солнца. Даша смотрела на тюремные наколки на его широкой, рыхлой, покрытой островками черных волос спине: какие-то мутные надписи, кресты и звезды. Она знала про них, но каждый раз, как видела, не могла поверить. Матвей привалился спиной к дереву, съехал на землю, Даша тоже вымоталась, но отдыхать было рано, она прошла чуть дальше по перелеску, зашла в тень, глаза постепенно привыкли к полумраку. Она почувствовала его раньше, чем увидела. Кадавр стоял в вы-

Кадавры

сокой траве, неподвижный. Найти его было непросто, никто из местных точно не знал, где он находится, и это казалось странным: у вас тут в поле стоит мертвый ребенок и покрывается солью, а вы не знаете, где он? Но так и было. Многие вещи в пересказе круче, чем в жизни. На словах кадавр — необъяснимый феномен; стоящий в перелеске труп, неподвижный и бледный, усохший, с впалыми щеками. На деле — издалека он похож на пенек, в сумерках его толком и не видно. И трава — высокая, почти по грудь, из-за нее разглядеть его еще сложнее. Говорят, на рассвете, когда начинается выброс, волосы, брови и края ногтей мальчика как инеем покрываются кристаллами соли, но ждать рассвета, чтобы проверить, не было никакого желания. Даша огляделась: все тут выглядело заброшенным, даже деревья — перекошенные, уставшие от жизни акации и ивы словно соревнуются, кто быстрее высохнет и загнетса. Ближайший населенный пункт — поселок Рассвет; местные про кадавра знают, но им плевать — даже тропинки нет, никто сюда не ходит.

— Ну и туфта, — подал голос Матвей. Он даже спускаться не стал, сидел на корточках на холме. — Пойдем отсюда, сейчас самая духота начнется.

Даша достала рулетку, измерила рост — 114 см. Сделала несколько снимков: общий план и крупный; на всякий случай сфотографировала развалины вдали. Достала из кармана датчики — маленькие, круглые, похожие на монетки, — и закрепила их на лице кадавра — один датчик на переносице, второй под носом, два на скулах, еще два в уголках рта. Несколько раз проверила — если датчики плохо установлены, то и слепок лица выйдет бракованный, придется переделывать.

Лицо мертвеца было спокойное, как будто даже умиротворенное, один глаз мутный, без зрачка, слева на виске — вмятина. При взгляде на него у Даши разболелась голова.

Она достала диктофон, включила:

Алексей Поляринов

— МА-51, на левом виске — след удара тупым предметом, новых попыток нанести увечья не наблюдаю. — Она обернулась к Матвею: — Все, пишем. Спускайся.

Матвей тихо выругался, но подчинился. Подошел и, мыча себе под нос «утомленное со-о-олнце», стал устанавливать штативы для камер.

Даша тем временем считала пальцы на руках мертвого: пять пальцев на левой, пять на правой. Таков порядок: считать пальцы. А еще зрачки. Если глаз не мутный и зрачок можно разглядеть, надо указать в отчете, что зрачков два, по одному в каждом глазу. Этот пункт в протокол ввели четырнадцать, кажется, лет назад, когда Видич обнаружил два зрачка в одном глазу у трупа под Курском.

Даша попросила Матвея помолчать и включила микрофон — сверхчувствительный, конденсаторный. Труп не издавал ни звука, и вообще в перелеске стояла неприятная, неудобная тишина, даже кузнечики не трещали в траве — вблизи мертвых детей всегда очень тихо. Все это Даша проделывала уже не в первый раз и до сих пор не была уверена, что микрофон необходим, но ее работа предполагала в том числе и такие манипуляции — сбор тишины; звучит поэтично, на деле — скука. Стоишь как дура и держишь микрофон у рта мертвеца — словно пытаешься взять у него какой-то комментарий.

«Скажите, а вам тут не надоело стоять? Что вы думаете о китайской экспансии на юге? Вы уже послушали новый альбом Sigur Rós?»

Мысленно сосчитав до шестидесяти, Даша убрала микрофон в футляр, сохранила запись. Затем достала из рюкзака приемник, включила, несколько раз щелкнула каналами — на всех волнах обыкновенная статика. Ничего.

— Н-да.

Кадавры

> > >

В гостиницу вернулись затемно. На парковке паслись козы, и Матвею пришлось отгонять их палкой, чтобы поставить машину на место. Даша дошла до комнаты, налепила на спину лечебные пластыри, натянула компрессионные гольфы, легла на пол, закинула ноги на кровать и лежала так час или больше, разглядывая усыпанный комарами потолок. Не вставая, потянулась к рюкзаку, достала фумигатор, вставила пластинку, включила — химический запах жженого пластика ударил в нос почти сразу, и ее затошнило. Пару минут она наблюдала за тем, как комары один за другим исчезают.

Потолки в последнее время частые ее собеседники. Когда твоя спина — антология травм, ты, кроме люстр и комаров, особо ничего не видишь. С другой стороны — в этом есть и свои плюсы: когда тебе приходится часами лежать на полу, у тебя куча времени, чтобы подумать о том, как ты тут оказалась. Не конкретно на полу, а в этой точке своей жизни.

Поход к кадавру вымотал обоих. Даша мучилась спиной, а Матвей обгорел. Он был в бейсболке, поэтому лицо почти не пострадало, но снять майку на обратном пути было ошибкой. Он позвонил Даше ночью из своего номера. Когда она зашла, он сидел на кровати, на него было больно смотреть — весь ярко-розовый, словно ошпаренный кипятком. На спине и плечах — бледные следы от рюкзака и лямок.

— Стейк говяжий, прожарка well done, — сказал он, глядя на Дашу сквозь зеркало. И добавил: — Даже лечь не могу — больно.

Он жаловался, что пантенол не помогает, еще и пахнет отвратительно. Попросил Дашу сходить в круглосуточный «Цилинь» и купить сметаны, обмазался ей и уснул, лежа на животе, и весь следующий день пах скисшим молоком.

Алексей Поляринов

По пути в Аксай их остановил гаишник, попросил выйти из машины. Матвей был в яркой рубашке с пальмами, обгоревший и обмазанный сметаной. Может, потому гаишник в него и вцепился — принял за колхозника на отдыхе и хотел отжать денег. Гаишник долго ходил вокруг машины со сдвинутой на затылок фуражкой и шмыгал носом, принюхивался, его явно смущал кисломолочный запах, он искал к чему придраться, но все было в порядке, даже огнетушитель новый. Заглянув в багажник, он очень заинтересовался чехлами с оборудованием.

— Сиди тут, — сказал Матвей Даше, — я ща.

Несколько минут в зеркало заднего вида она наблюдала за их напряженными переговорами и очень удивилась, когда гаишник вдруг от души засмеялся, а Матвей по-дружески похлопал его по плечу.

— Что ты ему сказал? — спросила она, когда брат сел за руль и завел мотор.

— Я? Ничего. Он увидел мои наколки. Мы с его корешем сидели в одном блоке, прикинь?

Матвей любил бравировать отсидкой и о тюрьме рассказывал с таким видом, словно «Побег из Шоушенка» снят по его мемуарам, хотя на самом деле за плечами у него было три года общего режима — за мошенничество. Впрочем, в одном ему не откажешь, думала Даша, трепать языком он умеет.

>>>

Аксай был небольшой, уютный городок, очень похожий на их родной Пятигорск — тихий, приземистый, всюду тополя со спиленными верхушками, желтые газовые трубы вдоль дорог и заборы из зеленого гофрированного кровельного железа. А еще борщевик. За последние годы огромный сорняк расползся повсюду. Даша читала, что это случилось из-за дождя: борщевик не случайно растет в основном на обочинах,

Кадавры

ботаники называют его «сорняк-автостопщик», его семена, налипая на капоты, радиаторные решетки и лобовые стекла дальнобойных грузовиков, путешествуют по регионам и потом пускают корни вдоль магистралей. Буйно заросшая борщевиком обочина — привычный пейзаж для всякого, кто катит на юг по М4. Пять лет назад объединенная российско-китайская администрация (ОРКА), едва получив полномочия в бывшей черноземной зоне, первым делом бросилась на борьбу с борщевиком: сорняк били пестицидами, жгли, косили, корчевали. Но в итоге даже китайцы сдались. С тех пор в официальных документах чиновники обозначают эти земли двумя иероглифами, похожими на деревце и домик, 傘谷, «Сун гу», что означает «Долина зонтиков» — отсылка к форме цветков борщевика.

В Аксай Даша с Матвеем заехали, чтобы заснять еще одного кадавра. У Даши в плане он был помечен как МА-52 — мертвый мальчик, на вид лет семь-восемь. В отличие от предыдущего этот выглядел впечатляюще: он стоял, как-то неестественно запрокинув голову и прижав руки к груди. Даша сфотографировала его кисти: маленькие пальцы были скрючены и напоминали куриные лапы — желтовато-синие, сморщенные. Кристаллики соли по краям почерневших ногтей. Мальчик, что нехарактерно, стоял в черте города, в поле недалеко от спального района — его точно было видно из окон пятиэтажек. Даша сделала несколько снимков: мортальная аномалия на фоне серых панелек.

Обгоревший и обмазанный сметаной Матвей все утро прятался от солнца — комично перебегал из одной тени в другую. Он пытался помогать Даше с оборудованием, но толку от него было как от хромого лиса, и большую часть работы она делала сама. Прикручивая камеру к штативу, Даша озиралась по сторонам, все ждала, что появится кто-то из местных, начнет спрашивать, чем они тут занимаются. Особен-

но переживала за оборудование: на брифинге в Институте ее предупредили — обстановка на юге все еще тревожная: кражи, разбои. Но Даша боялась не краж — все камеры, штативы и датчики принадлежали Институту и были застрахованы, — она боялась насилия. Матвею так и сказала: «Начнут отжимать камеры — не упираться, отдай. Еще не хватало, чтоб тебя избили или ножом пырнули». Но пока все было в порядке, люди по большей части не обращали внимания на чехлы с камерами, а если обращали, то скорее из вежливости. Когда на М4 у машины пробило колесо и Матвей, матерясь и потея, пытался поставить запаску, к ним несколько раз подходили местные мужики, предлагали помощь; один старик вышел со своими домкратом и ключом, оттеснил Матвея и сам за пять минут идеально прикрутил запаску. Матвей явно был недоволен, словно тот факт, что кто-то лучше него справился с заменой колеса, каким-то образом унизил его, задел его мужское эго. Еще один парень — ссыльный китаец из дома у дороги, увидев из окна, как они ходят вокруг машины под палящим солнцем, вынес холодного чаю. И предложил поделиться бензином — совершенно бесплатно. «Там дальше по М4 заправка, — сказал он, — на нее лучше не заезжайте, она бандитская, на деньги разводят и угрожают потом». Даша даже как-то и позабыла про этот парадокс южан: люди вокруг добры и отзывчивы; и в то же время, предлагая помощь, все всегда делают оговорку: будьте, мол, осторожны, у дорог не ночуйте, тут небезопасно.

— А полиция чего? — спрашивала Даша.

— У кого ружье — тот и полиция, — был ответ.

В Аксае бандитов не наблюдалось, из-за жары на улицах почти никого, только бродячие псы спасались от пекла в тени гаражей и, сложив головы на скрещенные лапы, лениво наблюдали, как она возится с оборудованием. Затем пришли дети, расселись на заборе, как воробьи, лузгали семечки

Кадавры

и обсуждали что-то между собой, иногда ржали во весь голос. Матвей отправился к ним поболтать и через пару минут вернулся в сопровождении пацана — высокого, сублильного, с растрепанными светлыми волосами.

— Я тебе помощника надыбал, — гордо сказал он.

Даша вскинула бровь, Матвей поднял руку.

— Все нормально, я заплачу ему за работу. Давай, Сережа, вот этот штатив нужно достать и выставить по уровню, чтоб пузырек идеально посередине, сечешь?

Сережа кивнул и взялся за штатив. Даша все еще с сомнением переводила взгляд с пацана на Матвея и обратно.

— Что? — тихо сказал он. — Я же вижу, у тебя спина болит. А парень сам вызвался помочь.

Сережа действительно оказался толковый: быстро установил тяжелый штатив по уровню, прикрутил к нему камеру.

— Она же с лидаром, да? — спросил он. — Вы трехмерный снимок делаете и тепловой след ищите, я видел такие. — Даша удивленно посмотрела на него, и он чуть смущенно добавил: — Я немного разбираюсь. Фотографирую иногда. Хотите, покажу?

Выглядел он безобидно, явно очень любил технику и страдал от того, что не с кем обсудить свое хобби. Даша кивнула, он достал старый, побитый «Сяоми», протянул ей. На снимках — подвальные коридоры и теплотрассы, трубы, огибающие углы. Пацан, похоже, любил заброшки, и Даша понимала его. Когда ты школьник, пустые коридоры с облупившейся краской на стенах и битым стеклом на полу пугают и притягивают одновременно. Когда ты школьник, романтика развалин — единственная романтика, которую ты можешь себе позволить.

— Там света мало, поэтому мне приходится работать над освещением, — сказал Сережа и вдруг поднял на Дашу взгляд, посмотрел в глаза. Вид у него был очень уязвимый, просящий. Даша знала этот взгляд еще с писательских курсов: так смо-